

**УЗНИКИ
ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ
КРЕПОСТИ**

Н. Э. БАУМАН

Г. МОЛОТКОВ

Н. Э. БАУМАН

ЛЕНИЗДАТ • 1966

Георгий Семенович Молотков
„Н. Э. Бауман“

Редактор С. М. Серпокрыл
Технический редактор Г. В. Шиманарева
Корректор В. Н. Лыкова

Сдано в набор 12/IV 1966 г. Подписано к печати 26/V 1966 г.
Формат бумаги 70×90^{1/32}. Физ. печ. л. 1,13. Усл. печ. л. 1,32.
Уч.-изд. л. 1,27. Тираж 75 000 экз. М-11721. Заказ № 626
Работа объявлена в Т. п. 1966 г., № 105

Лениздат. Ленинград, Фонтанка, 59
Типография имени Володарского Лениздата. Фонтанка, 57
Цена 4 коп.

За окном медленно, словно нехотя, занималось мглистое мартовское утро. Бауман, усталое прислонившись к подоконнику, смотрел, как жандармы и сыщики в штатском, мешая друг другу, взламывали половицы, старательно простукивали печь, стены комнаты. Обыск, начатый в полночь, подходил к концу.

На столике, за которым сидел пожилой жандармский полковник, лежали стопки отобранных книг и рукописей.

«...1897 г., марта 22 дня, в г. С.-Петербурге, я, отдельного корпуса жандармов полковник Пирамидов...» — ровные строчки, одна за другой, ложились на голубой листок протокола. Покончив с ним, полковник Пирамидов принялся составлять опись отобранного при обыске.

«Тетрадь, не сшитая, озаглавленная: „Теория ценности и денег“ — К. Маркса; тетрадь, озаглавленная: „Прибавочная стоимость“; тетрадь из 9 листов по рабочему вопросу с указанием на полях авторов соответствующих сочинений».

К найденным «противоправительственным материалам» полковник приобщил и несколько десятков книг, изданных с разрешения цен-

зуры, личную переписку Баумана, фотографии его родных и даже портреты Лассалья и Герцена.

На пакете с книгами и документами он размашисто написал: «Особые сведения к дознанию».

Самой весомой находкой во время обыска был револьвер, заряженный шестью патронами. Но главу столичных жандармов ожидало разочарование — ветеринарный врач Бауман имел разрешение на оружие. Полковнику ничего не оставалось, как предложить Бауману подписать протокол обыска.

Полицейская карета с зашторенными окнами тронулась от подъезда небольшого дома на Каменном острове. Цокот копыт сменялся мягким шагом по деревянному настилу мостов, карета несколько раз сворачивала, то замедляя, то убыстряя свой бег, и Бауман мучительно пытался угадать ее путь. И как только карета остановилась, он рванул оконную занавеску. Жандарм, сидевший рядом, не успел опередить, — Бауман увидел за окном ворота Трубецкого бастиона. Петропавловская крепость...

Формальности, связанные с приемом нового арестанта, не заняли много времени. Двое жандармов провели Баумана на второй этаж тюрьмы, и в одиночной камере № 56 появился новый жилец.

* * *

...Окончив в 1895 году Казанский ветеринарный институт, Николай Бауман уехал в Саратовскую губернию. Молодой ветеринар-

ный врач горячо взялся за любимое дело, однако скоро убедился, что его служебное рвение несколько не уменьшает нищету крестьян, рожденную глубокой социальной несправедливостью.

Бауман мечтает стать революционером-профессионалом. Вскоре, осенью 1896 года, представился формальный повод оставить службу в земстве. Приятеля Баумана — М. Сущинского — саратовский губернатор не утвердил в должности ветеринарного врача земской управы. В знак протеста Бауман подал в отставку. Друзья решили ехать в Петербург. Поторопил с отъездом Баумана и уездный исправник, установивший за молодым врачом, приобретшим среди крестьян большую популярность, полицейский надзор.

Хмурым октябрьским днем Бауман и его друг приехали в Петербург.

...Кажется, это было совсем недавно — осень, зима, и вот первые дни весны, приметы которой не доходят до казематов Трубецкого бастиона. Прогулок нет, маленькое зарешеченное окно, до которого не дотянуться, смотрит в стену, незаметно сменяются одинаково долгие дни и ночи. Баумана тревожит судьба товарищей: что с ними? На свободе они или томятся рядом, в соседних казематах? Он пытается восстановить цепь событий, приведших к аресту.

По приезде в Петербург Бауман связался с членами ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Он стал одним из самых деятельных пропагандистов в рабочих кружках на предприятиях Большой Охты

и Московско-Нарвской заставы. В это время Бауман много и настойчиво занимался. Он торопился наверстать упущенное — знакомился с новинками марксистской литературы, которых не было в саратовской глуши, изучал I том «Капитала», работы Ленина, которые давали ему в руки оружие борьбы против народников, «экономистов» и «легальных марксистов».

Начало 1897 года ознаменовалось новым подъемом рабочего движения в Петербурге. Бауман с группой товарищей по «Союзу борьбы» решил выпускать «Петербургский рабочий листок», в котором освещались бы наиболее важные события рабочей жизни. Он активно участвовал в сборе материалов для листка и в его печатании.

Трактир «Кострома» на Большой Болотной улице пользовался популярностью у простого люда. С рассвета и до поздней ночи он всегда был полон народа. В один из мартовских субботних вечеров комнату в нижнем этаже «для всех» заняла ничем не примечательная компания мастеровых. Один из них что-то играл на гармошке, остальные о чем-то беседовали за столом, уставленным нехитрой трактирной снедью. Беседу вел самый молодой в компании, к которому, однако, относились с почтением, — называли его Иваном Макаровичем. Это был Николай Бауман, удачно избравший для занятий кружка людный трактир на петербургской окраине. После «чаепития» он передал одному из членов кружка рабочему Пилипцу несколько экземпляров брошюры «Объяснение законов о штра»

фах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». Написанная Лениным летом 1895 года, она была нелегально издана и пользовалась большим успехом в подпольных рабочих кружках.

Через несколько дней на Варшавском вокзале Пилипец был задержан полицией. При нем обнаружили «литературу возмутительного содержания». Жандармам удалось на допросах сломить неопытного рабочего, и он показал, что литература получена им от Ивана Макаровича для распространения. Столичной полиции к этому времени было известно многое о деятельности Баумана и его товарищей. Охранка решила арестовать группу молодых революционеров, продолжавших начатую Лениным работу в «Союзе борьбы». Охранка намеревалась одним ударом, одним громким процессом покончить с «крамолой». Вот почему на Каменный остров для ареста Баумана прибыл сам глава столичных жандармов — полковник Пирамидов.

Но Бауман ничего об этом не знал. В одиночке Трубецкого бастиона он мучительно пытался уяснить себе причины провала. Он надеялся, что многое прояснится после первых допросов. Но прошла неделя, другая, а Баумана на допрос не вызывали, о нем словно забыли.

Трудно привыкнуть к давящей тишине каземата. Бесполезно спрашивать о чем-либо надзирателей, молча ставивших на столик миски с тюремной едой и торопливо захлопывавших дверь камеры. Из ее зарешеченного окошка, смотревшего в стену Монетного Дво-

ра, можно видеть лишь маленький кусочек блеклого мартовского неба. Дни, ничем не отличимые друг от друга, и долгие ночи, наполненные тяжелыми раздумьями. Бауман с первых дней почувствовал на себе мрачную, страшную силу Петропавловской крепости — главной царской тюрьмы, о которой с гневом говорила вся передовая Россия.

Однажды глубокой ночью его вывели из камеры и посадили в тюремную карету. Прodeлав немалый путь по ночному Петербургу, она остановилась во дворе жандармского управления.

Жандармский полковник Ковалевский, в кабинет к которому ввели Баумана, не был оригинален. Он начал разглагольствовать о заблуждениях молодых людей, которые, встав на «преступный революционный путь», губят свою молодость и будущее. Но разговора «по душам» не получилось. Ковалевского сменил товарищ прокурора Петербургского окружного суда Утин. Допрос длился пять часов. Однако протокол допроса был краток: «Зовут меня Николай Эрнестович Бауман. На предложенные вопросы отвечаю. В квартире Марии Сушинской мне случалось бывать, случалось встречать у нее и ее братьев Петра и Владимира, но такого случая, чтобы во время моих посещений ее квартиры я видел там какие-либо нелегальные листки или брошюры, не было. Вообще у меня в руках никаких нелегальных изданий никогда не бывало. Никаких добавлений или разъяснений к своим прежним показаниям я не могу сделать».

Через несколько дней Баумана вновь доста-

вили в жандармское управление. На этот раз в присутствии того же Утина его допрашивал жандармский подполковник Кузубов. Он не стал терять времени на бесполезные увещевания. Но и угрозы не подействовали на Баумана: он оставался верен себе — отрицал полностью свою причастность к революционной пропаганде среди рабочих.

Допросы теперь следовали один за другим. Баумана грубо поднимали поздно ночью, переодевали, везли в жандармское управление. Ему угрожали, пытались поймать его на слове, надеялись сломить его волю. Но терпение, выдержку теряли жандармские офицеры. После одного из таких ночных допросов прозвучала открытая угроза: подумайте, пока не поздно! Мы не торопимся, можем подождать и десять, и двадцать лет, если вам так придется у нас...

Баумана отвезли в крепость и вновь надолго оставили в покое. Теперь он понял, что жандармам известно многое — они называли фамилии рабочих, адреса квартир, где собирались кружки, но для громкого процесса над «Союзом борьбы» им нужны были показания Баумана. И когда их не удалось получить, жандармы начали мстить.

Большинство товарищей Баумана, арестованных по делу «Союза борьбы», из Петропавловской крепости перевели в Дом предварительного заключения. Бауман продолжал оставаться в Трубецком бастионе. Один из товарищей Баумана — Катин-Ярцев — позднее писал в своих воспоминаниях: «Почему его держали в крепости дольше других, не знаю;

возможно, что он чем-нибудь особенно накалil жандармов на допросах».

Так оно и было. И без того строгий режим стал по отношению к Бауману еще более жестоким.

Его лишили свиданий, стали хуже кормить, запретили покупать раз в неделю белый хлеб. Началась цинга, малокровие.

Единственная радость — переписка с родными: дорогие вести с воли и длинные письма из крепости, в которых нет ничего о цинге, о тоске; в них забота, желание утешить, смягчить горе близких людей. В переписке Баумана с родными раскрывается характер этого мужественного, благородного человека с добрым и нежным сердцем, умеющего горячо любить и всегда оставаться верным однажды выбранному пути.

* * *

Николай Бауман родился 17 мая 1873 года. Его отец, обойный мастер Эрнест Андреевич Бауман, незадолго перед этим переехал из Прибалтики в Казань, где открыл небольшую столярную мастерскую. Казань в то время была довольно бойким торговым и промышленным центром на Волге, городом рыбаков и кустарей, бурлаков и ремесленников. Широкая, шумная, полная контрастов жизнь простого русского люда раскрывалась перед Николаем Бауманом с детских лет. Впечатления детства — волжские просторы, песни бурлаков, ночные поездки с рыбаками, разноречивый говор пристани — остались самыми светлыми, дорогими на всю жизнь.

Н. Э. Бауман в годы окончания ветеринарного института

Отец, проживший нелегкую жизнь, мечтал о том, чтобы хоть один из его сыновей окончил гимназию, университет, вышел бы в люди. Несмотря на скромный достаток семьи, он отдал Николая в гимназию. Здесь пришло самое большое увлечение — книги. В 13—14 лет гимназист Бауман познакомился с произведениями Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Герцена. Его любимый литературный герой — Спартак, вождь восставших рабов. Большое влияние на формирование мировоззрения Баумана оказали студенческие волнения в Казанском университете и ветеринарном институте в 1887 году и казнь пяти народовольцев, покушавшихся на Александра III.

В шестом классе гимназии Николай Бауман и его друзья решили издавать рукописный журнал. Его называли «Юные всходы». Выход первого номера вызвал большой скандал. В журнале были помещены карикатуры и статьи, в которых досталось и директору, и классным надзирателям.

Директор, которому стало известно об участии в выпуске журнала Николая Баумана, вызвал к себе «для соответствующего внушения» его отца. Над Бауманом нависла угроза исключения из гимназии. Но ни угрозы директора, ни увещевания отца, всячески убеждавшего сына порвать знакомство с «опасными людьми», ни к чему не привели. Давно назревавший разрыв с семьей не мог не произойти. Родителям не удалось «образумить» непокорного сына. Без их согласия он оставил гимназию и подал заявление в ветеринарный институт, для поступления в который не требо-

валось окончания полного курса гимназии. Осенью 1891 года юноша стал студентом и ушел из дому, начав самостоятельную жизнь. Но родители, не понявшие его, остались по-прежнему дороги ему.

В апреле 1896 года он послал им первое письмо из Петропавловской крепости. «Дорогие родители, братья и сестра. Тяжело писать. Не знаю, как начинать. Невеселую новость узнаете с этим письмом. С 21 марта я арестован и сижу в одиночном заключении в Петропавловской крепости. В чем меня обвиняют, не знаю еще до сих пор. Допроса не было. Если же даже скоро узнаю обстоятельства дела, то и тогда едва ли сумею вас уведомить об этом. Завтра будет две недели моего заключения; несмотря на полнейшую неопределенность положения, чувствую себя сносно: нервы не шалят и физически совершенно здоров. Не тревожьтесь и вы, мои дорогие, не проливайте слез над моей судьбой. Я молод, силы не надорваны — жизнь моя впереди. Прямо, без препятствий, без разочарований, едва ли кому-нибудь удавалось пройти свой жизненный путь».

Зная о тяжелом материальном положении семьи, он просил родных не беспокоиться о нем — он, мол, живет «здесь на всем готовом, кроме чая и сахара».

Полно заботы и тревоги о родных и второе письмо Баумана. Совсем немного о себе: «с тюремной обстановкой я освоился, здоров». А через неделю он писал, что у него «началась война с одиночеством». Строки письма полны оптимизма и уверенности; «не видя перед

собой страшных картин, прямо и храбро гляжу на своего несложного, бесстрастного, но зато действительного неприятеля — на своды тюремной камеры. План кампании выработан, тактика изобретена и проверена, и я выступил на поле сражения, твердо надеясь вести победоносную борьбу...»

Разумеется, Бауман не сообщил родным, в чем состоял «план кампании», в чем заключалась его тактика. Но отдельные сведения, собранные историком царской тюрьмы Гернетом, дают представление о том, как этот мужественный человек боролся с режимом Трубецкого бастиона двадцать два долгих тяжелых месяца, боролся и не сдался.

По утрам Бауман отправлялся в «длительную прогулку». Неважно, что из угла в угол камеры можно сделать лишь шесть-семь шагов. Ведь это «путешествие» можно повторить тысячу, две тысячи раз, и тогда уже бессильны тюремные своды помешать пройти дорогами детства, выйти на берег Волги, спуститься на ее пристань, вновь пережить то, что помнится, что дорого и воскрешает силы.

Самым страшным испытанием была давящая мертвая тишина бастиона, нарушаемая лишь курантами, игравшими царский гимн. Однажды в настороженной тишине камеры Николай Бауман услышал стук в стену. Ему была знакома азбука тюремного телеграфа. Сосед спрашивал: «Кто?».

Соседом Баумана оказалась революционерка Т. М. Акимова, три года просидевшая в крепости за подготовку покушения на царя.

Бауман и Акимова начали перестукиваться.

Велись не только обычные разговоры, но и чтение стихотворений. Не раз они подвергались за это дисциплинарным наказаниям: Баумана отправляли в карцер, Акимову лишали прогулок. Однако наказания оказывались бессильными.

Однажды Бауман был посажен в карцер самим комендантом крепости Эллисом, заставшим его за разговором.

Но вскоре коменданту пришлось обратиться по поводу поведения Баумана к директору департамента полиции.

«Во время содержания в крепости Николай Бауман за то, что стучал в соседние камеры, был посажен, по приказанию моему, — писал комендант, — на сутки в темный карцер и переведен в другую камеру. Взыскание это на него мало подействовало.

Пользуясь разрешением иметь письменные принадлежности, он оборвал поле книги, написал на нем в соседний номер (Акимовой) записку, заложил написанное в корешок книги и посредством стука сообщил, какую книгу следует потребовать из библиотеки, чтобы найти там написанное. За подобный поступок арестованный Бауман, по приказанию моему, совершенно уединен и лишен права иметь письменные принадлежности».

Комендант просил предоставить ему право «не разрешать свиданий с Бауманом ввиду его неодобрительного поведения».

Но ни полная изоляция, ни лишение свиданий и прогулок не сломили воли молодого революционера. Шел второй год его заточения в крепости, а у следствия по-прежнему не

было признаний Баумана. Он выдерживал войну с крепостью.

В октябре 1898 года мать Баумана обратилась с прошением на имя директора департамента государственной полиции.

«Вот уже 14 месяцев, как родной сын мой,— писала она,— сидит в крепости. Единственное утешение мое на старости лет, любимый мой сын, которым я жила,— этот сын в тюрьме! Только мать или отец, горячо любящий своего ребенка, могут понять, как велико поразившее меня горе. В последнее же время оно еще усилилось, когда я узнала, что здоровье моего сына расстроилось. А Вы знаете, Ваше превосходительство, что значит для матери болезнь ее ребенка. Я умоляю Вас именем ваших детей, именем Христа облегчить участь моего сына и выпустить его на свободу».

Но не надеясь на это, мать просит хотя бы «перевести его из крепости в Дом предварительного заключения. Там, как я слышала, условия жизни все-таки лучше, чем в крепости, и, может быть, здоровье моего сына поправится. Это единственная надежда, которая у меня остается».

Но этой единственной надежде не суждено было сбыться. Письмо матери не тронуло холодное сердце «его превосходительства». Примерно через месяц, 3 ноября 1898 года, на имя казанского губернатора пришел ответ департамента полиции.

В нем вице-директор департамента имел честь покорнейше просить губернатора «не отказать в распоряжении с объявлением проживающей в Казани мешанке Мине Карловне

Бауман на прошение от 7 октября, что дело, к коему привлечен сын ее Николай Бауман, находится на рассмотрении в м-ве юстиции, будет разрешено в самом непродолжительном времени и что ходатайство ее об освобождении Ник. Баумана из крепости для дальнейшего содержания в Доме предварительного заключения удовлетворено быть не может».

Безрезультатным осталось и прошение в департамент полиции брата Баумана Петра с просьбой освободить на несколько дней Баумана для врачебной консультации.

12 декабря 1898 года министр юстиции представил Николаю II «всеподданнейший доклад о лицах, арестованных по делу „Союза борьбы“». Министр предлагал в качестве «меры пресечения и наказания за их преступную деятельность» высылку на сроки от трех до восьми лет в Сибирь и северо-восточные губернии европейской части России. Самодержец российский соизволил собственноручно на докладе министра начертать «С», что означало: «Согласен». По высочайшему повелению Бауман был отправлен на четыре года в ссылку в захолустный городок Орлов Вятской губернии. Позади остались двадцать два месяца одиночного заключения в Петропавловской крепости — главной и самой страшной царской тюрьме.

* * *

...Небольшой парходик, отвалив от пристани, прогудел неожиданно громко и басовито. Быть может потому, что прощался он с городом на берегу Вятки надолго, -- редкие

снежинки кружились в воздухе, пароход уходил в последний рейс. Среди его пассажиров третьего класса был молодой человек с небольшой русой бородкой, в теплом байковом пиджаке, высоких русских сапогах, с виду приказчик небогатого лесопромышленника. Он и выдавал себя за приказчика лесосплавщика из Вятки, посланного хозяином на пристань Камское Устье подыскать лес к весеннему сплаву. Пароходик неторопливо, но споро уходил на юг — к устью Вятки.

А в то утро в Орлове, заштатном городке Вятской губернии, полицейскому исправнику доложили об исчезновении «политика» Баумана. Встревоженные происшествием, сулившим серьезные неприятности, полицейские чины Орлова учинили тщательный обыск в доме, где жил политический ссыльный. Но обыск ничего не дал.

Исправник незамедлительно сообщил о побеге вятскому губернатору, а тот отправил донесение в департамент полиции о том, что «состоящий под гласным надзором полиции ветеринарный врач Николай Эрнестович Бауман 15 сего октября из места жительства неизвестно куда скрылся». Департамент разослал по всем губерниям предписание арестовать и препроводить в распоряжение вятского губернатора «бежавшего преступника». Были разосланы справки о революционной деятельности Баумана и подробное описание его примет. На циркулярах департаментов стояла пометка: «Обратить особое внимание».

Но разыскать Баумана не удалось. Приказчик лесосплавщика, не привлекая ничего

внимания, благополучно добрался до устья Камы, затем по Каме и Волге доплыл до Нижнего Новгорода, а оттуда через сутки поезд доставил его в Москву. Здесь были друзья, они и помогли Бауману выехать за границу — в Швейцарию. В биографии профессионального революционера была перевернута еще одна страница — первый арест, первая ссылка и первый побег.

* * *

Летом 1900 года Бауман познакомился в Швейцарии с Владимиром Ильичем Лениным. И с той поры до последнего своего часа он оставался неколебимо верным его делу. Он сразу же начал помогать Владимиру Ильичу в подготовке издания «Искры», поехал с ним в Германию для подыскания типографии. В Мюнхене Бауман поступил наборщиком в типографию, где должна была печататься «Искра», и осуществлял связь с агентами, переправлявшими газету в Россию.

Вскоре он стал одним из деятельных агентов «Искры», которого высоко ценил Владимир Ильич за его энергию, хладнокровие во время рискованных и опасных операций по транспортировке подпольной газеты.

Николай Бауман организовывал «транспортные бюро» — пункты по пересылке искровских изданий через границу, сам несколько раз переходил ее, нелегально посещал пограничные русские города, распространял «Искру» в рабочих организациях Пскова, Смоленска.

Осенью 1901 года ему пришлось прервать

свою деятельность заграничного агента «Искры». По заданию Ленина в декабре 1901 года он выехал в Россию на подпольную работу в Москве. Это было трудное время для Московской организации РСДРП, ослабленной арестами ее руководителей. Вскоре в рабочих кружках Лефортова, Замоскворечья, Сокольников уже хорошо знали «Грача» (новое конспиративное имя Баумана). Он вместе с И. В. Бабушкиным распространял искровскую литературу и вел пропагандистскую работу среди текстильщиков Иванова-Вознесенска, Владимира, Шуи.

Чтобы наладить контакт с искровскими агентами, Бауман в начале февраля 1902 года выехал в Киев. Но в канун его приезда жандармам удалось напасть на след местной организации. И как только Бауман ступил на перрон Киевского вокзала, он сразу же был взят под наблюдение сыщиками охраны. Опытный конспиратор, Бауман тотчас заметил слежку и сумел избавиться от нее. На первой же явке Баумана предупредили о провале, нужно было незамедлительно возвращаться в Москву. Чтобы запутать следы, Бауман решил ехать кружным путем — через Харьков, Курск, Воронеж...

В окутанный вечерними сумерками вагон вошли два человека, в которых Бауман без труда узнал сыщиков. Бауман перешел в соседний вагон и спрыгнул с поезда. Через несколько часов, вконец измученный, с трудом ступая на ушибленную при падении ногу, добрался он до ближайшего села и постучался в дом врача Вележева. Хозяин дома, где Бау-

ман надеялся найти приют, выдал его полицейским властям.

«Явившись к Вележеву, — писала «Искра» в номере от 1 мая 1902 года, — он рассказал, в каком затруднительном положении он находится, навел справки о железной дороге и просил накормить. Великодушный врач ответил, что обед у него будет только через три часа, и вообще выразил удивление, что к нему обращаются с подобными просьбами. Через некоторое время он удалился под предлогом приема больных. Вслед за этим явилась прислуга и потребовала от имени барина, чтобы Бауман немедленно удалился. Вележев донес полиции. Как только Бауман вышел из села, его арестовали и отвезли в г. Задонск».

Позднее, в феврале 1903 года, сам Бауман писал в «Искре»: «Факт предательства Вележева вполне правильно изложен... Не прошло и восьми минут, как я вышел из квартиры Вележева, у околицы села меня арестовали. Донести мог только Вележев».

Установить личность задержанного, предъявившего паспорт на имя «мещанина Петрова», не стоило большого труда. Извещенное местными властями киевское жандармское управление легко опознало в нем давно разыскиваемого Баумана. Незамедлительно последовало распоряжение отправить его по этапу в Вятскую губернию «для продолжения отбытия срока административной ссылки». Но мучительный путь больного Баумана по этапу в Вятку был прерван на половине дороги.

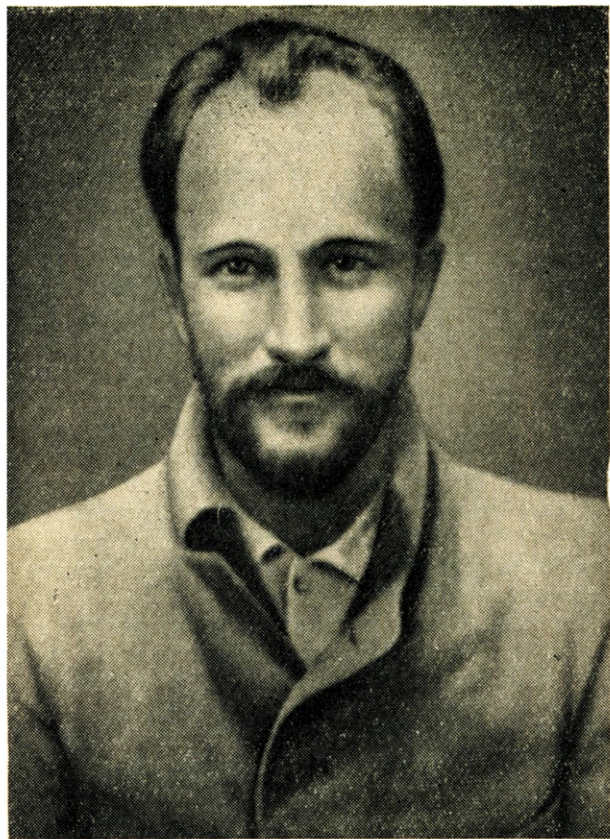
Директор департамента полиции, получив телеграмму воронежского губернатора об аресте

сте Баумана, доложил об этом Николаю II. Сразу же была отправлена срочная шифрованная телеграмма уфимскому губернатору: «Придавая личности Баумана первостепенное значение и опасаясь побега, прошу ваше превосходительство безотлагательно телеграфировать на соответствующий этапный пункт о приостановлении следования Баумана в Вятскую губернию и об отправлении его под надежным конвоем, с обеспечением полной невозможности побега, в распоряжение киевского губернского жандармского управления».

За Бауманом вновь закрылись двери тюрьмы, на этот раз знаменитой киевской Лукьяновки.

Баумана не случайно вернули с этапа в Киев. Здесь, в тюремном замке, сидело десять видных искровцев, дело которых вел сам начальник жандармского управления генерал Новицкий. Торопливо готовился «большой политический процесс», который, как надеялся департамент полиции, должен был в корне покончить с искровскими агентами. Но искровцы опередили генерала Новицкого: не дождавшись начала процесса, они бежали из тюрьмы.

«Сегодня, четверть девятого, вечером, — телеграфировал губернатор министру внутренних дел, — из киевской тюрьмы во время прогулки бежало одиннадцать политических арестантов посредством веревочной лестницы, перекинутой через стену. Часовой был накрыт одеялом и прижат к земле другими политическими арестантами. Розыск производится. Подробности почтой...»

Н. Э. Бауман

О подробностях этого дерзкого, ошеломившего жандармов побега на следующий день говорил весь Киев; о побеге одиннадцати рассказала специальная листовка киевской кассы Красного Креста. План побега был прост, но дерзок и смел.

Переполненная в то лето политическими заключенными, Лукьяновка не отличалась особой строгостью режима. Узникам разрешались передачи, свидания и, главное, длительные прогулки во дворе тюремного замка. Одним из любимых занятий искровцев, державшихся на прогулках всегда вместе, было построение гимнастической пирамиды — «слон». На спины двух самых крепких становились двое более легких, а на вершину взбирался с балансиром в руках самый ловкий — Бауман. На построение пирамиды уходило меньше минуты. С ее вершины рукой было подать до гребня крепостной стены, за которой были свобода, друзья, усиленно помогавшие организации побега.

Однажды к Бауману на свидание пришла жена и передала мужу-«имениннику» букет роз. Подарок обрадовал всех искровцев: в цветах была искусно спрятана «кошка» — маленький, но очень крепкий стальной крючок, которым можно было закрепить на крепостной стене веревочную лестницу. Теперь для побега все было готово. Но его семь раз пришлось откладывать, и лишь на восьмой раз — 18 августа — на волю был передан сигнал: «Сегодня вечером».

Под предлогом именин одного из своих товарищей искровцы щедро угостили вином

надзирателя и часового. Вино оказалось крепким — в него было подсыпано снотворное. После ужина искровцы вышли подышать перед сном. По команде «слон» мгновенно выросла пирамида. С ее вершины один из товарищей метнул на крепостную стену «кошку». По веревочной лестнице, которую вынес под халатом из камеры Бауман, начали подниматься узники. Одним из последних на крепостную стену поднялся Бауман. Как только он спрыгнул на землю, за стеной раздался выстрел часового. Поднялась тревога, но искровцы скрылись. У каждого из них были адреса явочных квартир, где их ждали товарищи.

Из Петербурга в Киев последовало строжайшее предписание «о принятии всех зависящих мер к безусловному розыску и аресту всех бежавших». Одним из первых в ведомости о лицах, подлежащих розыску, значился «ветеринарный врач, из мещан г. Митавы, Николай Эрнестович Бауман, 29 лет, лютеранского вероисповедания, по прозвищу «Грач»... рыжеватый, с бородой, в темных очках, довольно плотный, среднего роста».

На ноги были подняты полиция и жандармерия Киева, шли тщательные, но безуспешные поиски участников побега. А Бауман, которого справедливо считали инициатором побега, преспокойно жил в Киеве. Через две недели респектабельный господин, несколько не похожий на Баумана, описанного в полицейских досье, сел в поезд, уходивший за границу. На этот раз путь революционера лежал в Берлин.

Оказавшись в безопасности, Бауман отправил из Берлина письмо родным, в котором сообщал, что собирается «переменить место жительства коренным образом» — эмигрировать в Америку. Письмо, как и рассчитывал Бауман, было вскрыто жандармами в Казани, и они незамедлительно сообщили в департамент полиции. Но морское путешествие, которое совершил Бауман, было небольшим: он пересек Ламанш и приехал в Лондон, где в то время находился Ленин.

Сердечно встреченный В. И. Лениным и «искровцами», Бауман сразу же включился в работу по подготовке II съезда РСДРП. Он участвовал в обсуждении основных положений Программы и Устава партии, а на съезде выступил с докладом о деятельности Московской организации. Он решительно отстаивал позиции Ленина — позиции твердых искровцев.

Когда после раскола меньшевики захватили центральные учреждения партии, ленинцам-большевикам пришлось создавать заново полиграфическую базу для своих изданий, налаживать связи для транспортировки их. С этой целью Ленин направил в Швейцарию Баумана. Но вскоре он получил от Владимира Ильича новое важное поручение: нужно было перенести борьбу с меньшевиками в рабочие организации, помочь местным комитетам РСДРП перейти на позиции большевиков. Ленин послал в Россию, в ее крупные рабочие центры, ряд большевиков. «В целях создания в Москве Северного бюро ЦК из крепких, устойчивых большевиков, — вспоминала Ц. С. Зеликсон-Бобровская, жившая

осенью 1903 года в Швейцарии, — Владимир Ильич прежде всего отправил туда нашего общего любимца Николая Баумана — беглеца из киевской тюрьмы и главного организатора этого известного в истории нашей партии смелого побега 10 искровцев»¹.

Морозным декабрьским вечером 1903 года к гостинице «Париж» подъехал на лихаче богато одетый господин, с виду иностранец. Швейцар с поклоном распахнул тяжелую зеркальную дверь, портье предупредительно встретил нового гостя — Вильгельма Земпфегга, коммивояжера из Цюриха, прибывшего в Москву по делам своей торговой фирмы. Но цюрихский коммерсант недолго прожил в комфортабельном номере гостеприимного «Парижа». На другой день, пообедав, он заказал посыльному билеты на спектакль в Малый театр. После спектакля в гостиницу, где оставались его вещи, он не вернулся. Необычный иностранец отправился на окраину Москвы, в ее рабочий район — Лефортово.

Между тем в гостинице его очень ждали. Дело в том, что на этот раз «Грачу» не удалось незаметно перебраться через границу. В тот же день, когда он сел на цюрихском вокзале в экспресс, департамент полиции получил из Берлина от своего заграничного агента шифрованную телеграмму: «Бауман уехал под именем Земпфегга, можно проследить, но не арестовывать сразу, дабы не провалить источник». Вот почему московская

¹ Ц. С. Зеликсон-Бобровская. Незабываемые встречи. Воспоминания о Ленине. М., 1947, стр. 44.

охранка смогла сразу же по прибытии Баумана в гостиницу «Париж» доложить департаменту полиции: «Эмигрант Н. Бауман проживает в Москве по паспорту германского подданного Вильгельма Земпфегга. За Бауманом установлено наблюдение».

Это как раз и заметил опытный конспиратор, незамедливший сменить номер в гостинице на рабочую квартиру в Лефортове, а платье коммерсанта — на спецовку мастерового.

В эти дни, когда охранка разыскивала Баумана по всей Москве, ему несколько раз пришлось «переменить место своего непрописанного жительства». В новогоднюю ночь Баумана можно было увидеть на маскараде в Художественном театре. Сюда его пригласил замечательный русский актер Василий Иванович Качалов.

Квартира Качалова была в те годы одним из конспиративных адресов редакции «Искры», и здесь Бауман не раз находил надежное убежище от ищеек охранки.

Позднее В. И. Качалов так расскажет о своих встречах в эту зиму с Николаем Эрнестовичем:

«Много воспоминаний, много встреч... Из них самая незабываемая, наиболее дорогая, радостная и вместе с тем печальная — это встреча с Николаем Эрнестовичем Бауманом. Он жил у меня на московской квартире, скрываясь от охранки... Бауман поражал своей исключительной жизнерадостностью, талантливостью натуры, широтой интересов, живого, творческого ума. Пламенность и непримири-

мость революционера соединялись в нем с душевной мягкостью, добродушием. Он очень любил искусство, хорошо понимая его, умел и любил о нем говорить. У меня осталось впечатление, что это был лучший человек из всех, с кем я близко встречался за всю мою жизнь»¹.

Это было, пожалуй, самое напряженное время в жизни Баумана — подпольщика-революционера. Он восстанавливал старые, организовывал новые партийные связи среди московских рабочих, на собраниях громил меньшевиков-раскольников, налаживал издание большевистской литературы — листовок и брошюр Ленина, в которых разъяснялся смысл раскола партии на II съезде. Большевистским, ленинским центром рабочего движения в Москве и в промышленных городах северо-востока России стало созданное им Северное бюро ЦК. Бауман ни на минуту не забывал о важности поручения, данного ему Владимиром Ильичем Лениным, поручения, которое там, в эмиграции, многим казалось невыполнимым.

Вскоре после приезда в Москву Бауман взялся за организацию подпольной типографии, которая смогла бы печатать большевистскую газету. Сменив несколько мест, оказавшихся неудачными, типография обосновалась в квартире жены Баумана, также скрывавшейся от охраны. Не хватало наборщиков, и Бауман нередко сам ночами набирал написан-

¹ Е. Пятакова. Качалов рассказывает. «Театральная неделя», 1941, № 11, стр. 5.

ные им листовки. К 1 мая 1904 года в Лефортове, Сокольниках, Замоскворечье и других районах Москвы появились большевистские листовки, отпечатанные в подпольной типографии на Нижней Красносельской улице. К весне 1904 года в типографии уже работало около двадцати наборщиков и связных. В целях конспирации типографию вскоре перевели за Бутырскую заставу.

Московская охранка не прекращала поисков Баумана. Столичное начальство требовало сведений «о результатах наблюдения по г. Москве за представителем заграничного центра Российской социал-демократической партии... о настоящем местопребывании упомянутого революционного деятеля». Однажды последовал даже категорический приказ «принять все зависящие меры к аресту...».

Охранке, наконец, удалось напасть на след Баумана. Он заметил слежку и наблюдения за дачей, которую снимала его жена. Но уйти на этот раз не удалось. Ночью 19 июня 1904 года на дачу нагрянула полиция. Здесь, кроме жены Баумана и прислуги, также подпольщицы, был задержан «неизвестный человек, ночевавший без прописки». В охранном отделении сыщики без труда опознали Николая Эрнестовича Баумана. И вновь за Бауманом захлопнулась дверь тюремной камеры. В этот, третий, раз он стал узником Таганской тюрьмы.

Его поместили в изолятор — камеру для «наиболее важных преступников». У двери камеры — специальный надзиратель, зарешеченное маленькое окошко закрыто железным

колпаком, круглые сутки горит электрическая лампочка. Сделано все, чтобы надежно изолировать Баумана.

Бауман держался своей прежней испытанной тактики — он ни в чем не признавался, ничего не говорил о себе, о своих товарищах. После первого же допроса жандармы о Баумане «забыли». Но он не терял бодрости и к удивлению тюремщиков, был жизнерадостен. За его спиной — Трубецкой бастион Петропавловки, Лукьяновский тюремный замок, ссылка, этап, эмиграция, подпольная работа — немалый революционный стаж для человека, которому только тридцать лет.

Приближался новый, 1905 год. В России поднималась небывало мощная, доселе невиданная волна революционного движения. Для многих политических заключенных судебные власти «нашли возможным изменить, впредь до суда, меру пресечения». Они были выпущены из тюрьмы под залог. Но Бауман по-прежнему продолжал томиться в камере-изоляторе.

Товарищи, оказавшиеся на свободе, начали деятельные хлопоты об освобождении Баумана. Привлекавшаяся с ним по делу Северного бюро ЦК Е. Д. Стасова связалась с Владимиром Ильичем Лениным, чтобы узнать у него, какой тактики держаться Бауману и другим большевикам на предстоящем процессе. От Ленина из-за границы пришло большое письмо. Он писал о необходимости принципиального партийного поведения большевиков на предварительном следствии и во время суда, чтобы большевистские речи на суде «ста-

ли речами и заявлениями партийными, чтобы агитация шла в пользу партии»¹.

Ленинское письмо, так воодушевившее московских большевиков, заканчивалось словами: «Большой, большой привет Курцу, Рубену, Бауману и всем друзьям. Не унывайте! Дела у нас теперь пошли хорошо»².

Ленинское письмо определило поведение Баумана во время подготовки к судебному процессу. Защитник Баумана впоследствии вспоминал, что его предложение провести процесс в «мягких тонах», чтобы смягчить приговор, вызвало категорический протест со стороны революционеров. Бауман заявил своему адвокату, что процесс будет идти «под распушенными партийными знаменами».

Судебный процесс откладывался на неопределенное время. Забастовавшие рабочие Москвы потребовали освобождения политических заключенных.

В этой обстановке департаменту полиции не оставалось ничего другого, как освободить Баумана. 8 октября 1905 года он вышел на свободу.

Трудно было узнать в эти дни Москву, залитую весенним революционным половодьем, с бастующими заводами и фабриками, с кулачом демонстраций и митингов. С первого же дня освобождения Бауман — в водовороте революционных событий. Его страстный голос звучал на митинге в Высшем техническом

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 170.

² Там же, стр. 172.

училище, на собраниях железнодорожников, металлистов. Он звал к оружию, в бой с самодержавием.

19 октября на митинге в техническом училище раздался подхваченный сотнями голосов призыв:

— Долой московскую Бастилию! Свободу узникам Таганки!

Зал восторженно встретил Баумана. Здесь же единодушно было решено идти штурмом на Таганскую тюрьму. Пока строилась на улице колонна демонстрантов, Бауман в одной из аудиторий училища успел написать небольшое, но очень горячее, взволнованное обращение к солдатам, расквартированным в ближайшей казарме. После полудня несколько тысяч рабочих, мастеровых и студентов двинулось по направлению к Таганской тюрьме. В первом ряду огромной колонны шел радостный, взволнованный Николай Бауман. Когда демонстранты свернули на Немецкую улицу, Бауман увидел у фабричных ворот большую толпу рабочих.

— Они тоже пойдут с нами! — воскликнул он.

Порывистый, страстный, он вскочил на проезжавшую мимо извозчичью пролетку. Чья-то рука протянула ему красное полотнище знамени. Пролетка тронулась к толпе у фабричных ворот. На ней, высоко подняв в руке знамя, стоял Бауман. Неожиданно из ворот наперерез пролетке, трусливо пригибаясь, выскочил человек с обрезком водопроводной трубы в руке. На Баумана сзади обрушился предательский удар. Бауман упал. Раздалось

несколько выстрелов рабочих-дружинников вслед убежавшему убийце¹. Но было уже поздно.

* * *

Весть об убийстве Николая Баумана быстро разнеслась по всей Москве. На гражданской панихиде присутствовали десятки делегаций фабрик и заводов Лефортова и Сокольников, студентов и железнодорожников. Речи ораторов были полны ненависти к самодержавию, они призывали к мести за убийство Баумана. На следующий день митинговала молодежь в университетских аудиториях на Моховой. Вся рабочая Москва скорбила о Баумане. Тысячи людей пришли к гробу замечательного революционера. У изголовья стояло красное знамя с золотым шитьем букв:

«Погибшему борцу за свободу
от рабочих фабрик и заводов».

20 октября 1905 года Москва хоронила Николая Баумана. Сотни тысяч рабочих и студентов вышли на улицы. В этот день рабочий человек стал хозяином Москвы.

«Пусть послужат почести, оказанные вос-

¹ Черносотенец Михалин, убивший Баумана, чувствуя свою безнаказанность, явился в полицейский участок. Московский окружной суд приговорил его всего лишь к полутора годам тюремного заключения. Но через пять месяцев он был помилован Николаем II. Только в начале 20-х годов он был обнаружен, предстал перед народным судом и получил заслуженное возмездие.

Памятник Н. Э. Бауману в Москве на площади имени Баумана.

ставшим народом его праху, залогом полной победы восстания и полного уничтожения проклятого царизма!» Это слова из некролога, написанного В. И. Лениным на смерть Н. Баумана. Они высечены на гранитном постаменте памятника Бауману в Москве. Чуть заметная улыбка трогает лицо человека,

изваянного в бронзе. Он стоит, застыв в стремительном порыве, высокий, стройный, решительный. Рука прижимает к груди пачку номеров ленинской «Искры». Три барельефа на постаменте памятника — страницы недолгой, но яркой жизни, прожитой под девизом: «Желать — значит сделать!»

ЛИТЕРАТУРА

- «Николай Эрнестович Бауман». Сб. статей, воспоминаний и документов. М., 1937.
- «Товарищ Бауман». Сб. воспоминаний и документов. М., 1926. Н. Э. Бауман (по воспоминаниям его защитника). «Былое», 1926, № 1.
- С. В. Мстиславский. Грач — птица весенняя. М., 1938.
- М. Новоселов. Н. Э. Бауман. М., 1951.
- М. Гернет. История царской тюрьмы, т. 3. М., 1961.

4 коп.

